
Аполлон Григорьев. Воспоминания
Издание подготовил Б. Ф. Егоров
Серия "Литературные памятники"
Л., "Наука", 1980
OCR Бычков М.Н. mailto:bmnn@lib.ru

Дражайший папінька.

Свидание с добрым Ксенофонтом Тимофеичем, {1} который привез мне вести о Вас и от Вас, убедило меня в той крайне грустной истине, что Вы не хотите понять меня, не хотите потому, что не решается выслушать меня серьезно, что слишком легко смотрите на многое, что я уже несколько раз Вам высказывал. Простите меня... но это так!

Ксенофонт Тимофеич, как и Вы же, вовсе не способен к наставительной роли, но между тем из немногих его слов я мог заключить, что Вы меня любите по-прежнему - и между тем обвиняете... Не оправдывать себя я хочу - ибо, право, я сам сознаю вполне, что виноват перед Вами, - но ради бога выслушайте же меня серьезнее:

I. Связь моя с Милановским {2} действительно слишком много повредила мне в материальном отношении, но вовсе уже не была же так чудовишна, как благовестит об этом Москва на основании слов Калайдовича и тому подобных господ. Лучшее доказательство - что многие и слишком даже многие порядочные люди состоят со мною в отношениях вполне дружественных. Москва, как это мне известно из одного письма Погодина, рассказывала, что я - пью горькую и что у меня - раны на голове, а между тем - я здоров и жив и трезв по обыкновению. Тяжело мне расплачиваться за эту связь только материально, ибо, как я писал Вам с Дмитрием Калошиным, я взял на себя (давно еще) долг этого мерзавца. Но - бог милостив, авось я стрясу с шеи печальные последствия неосторожной доверчивости. Одно, за что я обвиняю себя вполне, это то, что Вы уехали, не простясь со мною, но, во-первых, вспомните мое фанатическое тогдашнее ослепление, а во-вторых, я от души просил Вас простить меня за это. Дело-то в том, что, запутанный этим гнусным человеком, я и не мог тогда поступить иначе. Связь же моя с ним и ослепление зависели слишком много от моей болезненной расстроенности. Ксенофонт Тимофеич узнал меня вскоре после моего приезда в Петербург, и он может засвидетельствовать, что мое нравственное состояние было слишком грустно. Да и Вы сами, немного посерьезнее взглянувши на мой несчастный характер, поймете, что я чересчур способен к отчаянью, не только уж к тоске и хандре: тосковать и хандрить я начал, право, чуть ли не с 14 лет. Вы скажете, может быть, что это - блажь; положим, но во всяком случае это болезнь. Я уехал... т. е., я хотел сказать, бежал из Москвы - уж конечно не от долгов, которые все-таки Непревышали годового оклада моего жалованья, и не от расстройства служебных дел, которое было бы очень легко поправить: нет! здесь были другие причины, разумеется, - и вот они: 1) Мне стало несносно - простите за прямоту и наготу выражений - мне стало несносно жить ребенком (вспомните только утренние головочесания, посылания за мною по вечерам к Крыловым Ванек, Иванов и сцены за лишний высиженный час), мне стало гадко притворствоваться перед разным людом и уверять, что я занимаюсь разными правами, когда пишу стихи, мне стало постыдно выносить чьи бы то ни было наставления. Все терзало меня, все - даже Вы, даже Вы, которого мне так жарко хотелось любить. Мне не забыть одной, по-видимому мелочной сцены: ко мне пришел Кавелин, человек, с которым я хотел быть по крайней мере - равным; мы сошли с ним в залу. Вы вышли и стали благодарить его за знакомство со мною. О господи! верите ли Вы, что и теперь даже, при воспоминании об этом, мне делается тяжело; спросите у дяди, {3} какое впечатление это на меня сделало. Ясно, что это происходило от любви Вашей ко мне, но зачем же Вы не щадили моей раздражительной гордости? 2) Любопытно бы мне знать тоже, как Вы смотрели и смотрите на мою страсть к А<нтонин>е Корш, на мою первую и, может быть, единственную страсть. И я, и она, мы оба были равны летами, общественным положением, даже состоянием; столько же, как и какой-нибудь Константин Дмитриевич Кавелин, имел бы я право надеяться. А у меня не было надежд; ребенок, которому чесали головку, я, однако, был столько